

Социальные размежевания и структуры электорального пространства России

Автор: А. С. АХРЕМЕНКО

Теория социальных размежеваний (расколов), основателями которой являются С. Липсет и С. Роккан, по-прежнему находится в фокусе внимания исследователей электорального поведения. Однако, несмотря на обилие теоретических дискуссий вокруг этой концепции (о них речь ниже), существует не так уж много эмпирических исследований, позволяющих количественно оценить степень ее адекватности реалиям избирательного процесса. В данной статье с помощью статистического анализа будет показано, каким образом социальные размежевания влияют на структуру электорального пространства современной России, на устойчивые связи между совокупностью альтернатив электорального выбора.

Теория социальных размежеваний возникла в рамках социологической школы исследования электорального поведения, фундамент которой был заложен в ходе исследований группы американских ученых под руководством П. Лазарсфельда, посвященных президентским выборам 1948 г. в США. Ключевой концепт социологической парадигмы можно охарактеризовать следующим образом: на формирование электорального выбора влияют прежде всего не индивидуальные предпочтения избирателя, а его *солидарность с определенной социальной группой*: "Люди голосуют не просто вместе со своей социальной группой, но и за нее" [Lasarsfeld, Berelson, Guadet, 1969, p. 148].

Завершенный вид социологический подход приобрел в работах Липсета и Роккана, наиболее известная из которых - "Структуры расколов, партийные системы и предпочтения избирателей" [Lipset, Rokkan, 1990]. Центральным в их концепции стало понятие "раскола" или "размежевания" (*cleavage*)¹. Теория Липсета и Роккана в ее *классическом* варианте (последнее важно, так как многие критики теории забывают, что она претерпела серьезную эволюцию вплоть до наших дней) отмечает следующие существенные признаки социального размежевания:

- социальное размежевание есть структурный конфликт между социальными группами; при этом один и тот же индивид не "привязан" к какой-то одной группе, а "существует" сразу в нескольких расколах;

- ключевые социальные размежевания складывались исторически на протяжении десятков и сотен лет;

---

¹ В отечественной политологической литературе существует дискуссия по поводу корректного перевода термина "*cleavage*". Одни исследователи считают наиболее адекватным термин "раскол"; другие - "размежевание" ("раскол" более точно переводится термином "*split*"). Не считая данный вопрос принципиальным, я буду использовать понятия "раскол" и "размежевание" как равноценные.

А х р е м е н к о Андрей Сергеевич - кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики философского факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

- социальные размежевания "транслируются" в политическую систему посредством партий, позиционирующихся "на полюсах" таких размежеваний; программы и электоральные стратегии партий в значительной мере заданы их ролью "артикуляторов" социальных размежеваний;

- в Западной Европе структура социальных размежеваний "заморозилась" (*frozen*) в первой четверти XX в.; соответственно, "заморозились" и партийные системы.

Для Западной Европы важнейшими расколами Липсет и Роккан считали структурные конфликты между центром и периферией, церковью и государством, городом и селом, собственниками и рабочими. Первые два актуализировались в результате национальных революций. "В ходе национальных революций возникли две линии размежеваний: конфликт между культурой центра (строительства нации-государства) и усиливающимися культурами провинций и периферий, имеющих свои этнические, лингвистические и религиозные особенности, а также конфликт между централизующим, стандартизирующим и мобилизующим государством-нацией и исторически укрепившимися привилегиями церкви" [Липсет, Роккан, 2004, с. 210]. Раскол между городом и селом, собственниками и рабочими возник в ходе индустриальных революций.

Липсет и Роккан вводят понятие "критическая точка" ("критическое событие"), то есть открытый конфликт, в котором выразилась сущность раскола. Так, для раскола государство/церковь таким критическим событием были Реформация и Контрреформация XVI-XVII вв. Для расколов город/село и собственники/рабочие в качестве критических обстоятельств выступили, соответственно, промышленная революция XIX в. и революция 1917 г. в России.

Другой важный аспект - проблемы, выдвинувшиеся на передний план в ходе раскола. Так, для раскола центр/периферия - это "официальный" язык религии (латынь или национальный язык), для раскола город/село - тарифы на продукцию сельского хозяйства, для раскола собственники/рабочие - отношение к интернациональному революционному движению. Таким образом, выстраивается схема, описанная А. Анисимовым: "Модель... С. Роккана укладывается в следующий последовательный ряд: критическая точка истории - > раскол по какому-либо важному основанию - > главные проблемы - > политические альтернативы" [Анисимов, 2003, с. 362].

Авторы вводят также понятие "идеологический раскол", что отражает способность базовых социальных расколов транслироваться в идеологическую сферу. Раскол город/село тесно связан с идеологическим измерением "либерализм/консерватизм". Классовый раскол, в свою очередь, связан с идеологическим расколом "левые/правые", и т.д. Расколам соответствует возникновение следующих видов политических партий: центр/периферия - партии на этнической и языковой основе; государство/церковь - религиозные партии; город/деревня - аграрные партии, консервативные и либеральные; собственники/рабочие - социалистические партии.

Дискуссия вокруг теории Липсета и Роккана развивалась по пяти основным направлениям. Первое касается сущности самого понятия "раскол". Для части авторов наиболее значимым признаком раскола является его институционализация, организационное оформление в виде политических партий с полярными позициями по рассматриваемому вопросу [Przeworski, Sprague, 1977]. Для других - конфликтность, понимаемая как осознание дифференциации между социальными группами [Lane, Ersson, 1994]. Существуют и иные точки зрения.

Второе - самое "горячее" направление обсуждений - касается "гипотезы замерзания" и способности теории размежеваний объяснить эволюцию партийных систем последней трети XX - начала XXI в. Многие процессы в партийной жизни как западноевропейских, так и восточноевропейских стран, а также стран "третьего мира" заставили по-новому взглянуть на связь между социальными расколами и структурами партийных систем.

Ключевым процессом последней четверти XX в. многие исследователи европейских партийных систем считают *кризис традиционных массовых партий*, господствовавших в Западной Европе с конца XIX в. Такие партии обладали наибольшей "привязкой" к

конкретным социальным группам, выступая выразителями их интересов. Р. Кац и П. Мэйр таким образом характеризуют традиционную партию: "...в модели массовой партии основными единицами политической жизни являются предопределенные и строго очерченные социальные группы, а частная жизнь их членов ограничена рамками этих групп. Политика - это, главным образом, конкуренция, конфликт и кооперация данных групп, а политические партии - агенты, посредством которых группы и их члены участвуют в политике, выдвигают требования государству... У каждой из этих групп есть собственные интересы, артикулируемые в программе их партий" [Кац, Мэйр, 2006].

В 1960-х-1970-х гг. традиционные массовые партии оказались в значительной мере потеснены с политической арены партиями "нового типа", среди которых картельные партии, партии "хватая всех" (*catch all*), движения непосредственного действия (или "движения одной проблемы", *single issue movements*). Сокращение влияния массовых партий объясняется действием совокупности факторов.

Произошло значительное размывание традиционных социальных границ, связанное со значительным ростом социальной мобильности. Это привело к ослаблению ярко выраженных коллективных идентичностей и общегрупповых долгосрочных интересов. Как следствие, снижается общий уровень партийной идентификации, "привязанности" больших групп избирателей к "своей" партии.

Потребности западноевропейского общества в ярко выраженных социально и политически солидарных группах снизились также в результате реализации политики создания государства всеобщего благосостояния. Прежде всего это касается политики социального обеспечения и общедоступного образования, что ранее было ключевым требованием массовых партий. По словам А. Кулика, "ныне удовлетворение первичных потребностей стало... обязанностью социального государства. То, что раньше сформировалось как требования граждан к государству, за которые надо было бороться, объединяясь в партии, стало частью их неотчуждаемых социально-экономических прав" [Кулик, 2006].

Еще один значимый фактор - бурное развитие средств массовой информации и коммуникационных технологий в целом. Если ранее партии сами выступали ключевым каналом информирования граждан по политическим проблемам и их электоральной мобилизации (через партийную печать и активистов), то сегодня эту функцию в гораздо большей степени выполняют СМИ.

Таким образом, становление государства всеобщего благосостояния, рост мобильности и развитие СМИ послужили толчком для сглаживания отличительных черт разных электоральных групп и расширения партийных программ, которые стали адресоваться всему обществу. Как следствие, процессы партийного строительства претерпели весьма существенные трансформации, что никак не подтверждало "гипотезу замораживания".

В то же время многие исследователи склонны сильно преувеличивать роль "гипотезы замораживания" в теории размежеваний. Мнение, что "теория размежеваний может описать трансформации партийных систем только как отражение "замороженных" структур размежевания" [Comparing... 1998], представляется совершенно необоснованным. Более того, сам Липсет в своих более поздних работах недвусмысленно указывал на подвижность социальных расколов [Липсет, 2006].

Многие исследователи также порой забывают, что традиционные партии хоть и утратили монополию на политической арене, но отнюдь не исчезли даже в Западной Европе (не говоря уже о тех регионах мира, где еще очень далеко до построения государств всеобщего благосостояния). Универсальные выводы об эвристической слабости теории расколов делаются на основе весьма специфичного и ограниченного материала.

Кроме того, критики теории размежеваний явно преувеличивают "привязку" избирателей к определенным (*объективистски* понимаемым) социальным группам и, соответственно, определенным партиям как выразителям их интересов. На самом деле специфика теории размежеваний и социологического подхода в целом во многом определяется отсутствием *отождествления индивида с какой-то одной социальной группой*

(как это делалось, к примеру, в классовом подходе К. Маркса). Утверждается не "статичность" выбора, а способность электоральных предпочтений воспроизводиться при воспроизводстве условий. Избиратель всю свою жизнь находится под "перекрестным влиянием" различных социальных структур, и это исключает его "обреченность" голосовать все время за одну и ту же партию.

Третье важное направление дискуссий связано с вопросом о том, что является основой политического раскола (то есть раскола, перенесенного в плоскость политической борьбы): классовые различия, идеологии или *ценности*! Данная проблема тесно связана с описанным выше процессом трансформации политических партий, который сопровождался процессом становления новых ценностей. Речь идет о возникновении *постматериалистических* ценностей и ценностного раскола материалисты/постматериалисты, который ряд исследователей считает не менее значимым, чем социальные и идеологические расколы (наиболее глубоко проблема разработана Д. Беллом в ее социоэкономическом аспекте, Р. Инглехартом в ее социокультурном аспекте и Р. Далтоном в ее политическом аспекте).

Проблемы эволюции ценностей рассматриваются в рамках *теории модернизации*, которая выделяет три ключевых цивилизационных стадии: аграрную (традиционную), индустриальную и постиндустриальную. Экономический базис традиционных обществ составляют сельское хозяйство, охота и рыболовство, неквалифицированный труд. Для них характерен низкий уровень образования и грамотности, слабая урбанизация, ограниченная социальная и географическая мобильность, минимальные стандарты жизни. Горожане в аграрных обществах тесно привязаны к локальным сообществам, основанным на родстве, этнической и религиозной принадлежности.

Движение от аграрного общества к индустриальному сопровождается переходом от аграрного производства к промышленному, миграционными притоками в крупные города, ростом стандартов жизни, разделением государства и церкви, ростом бюрократии (в веберовском смысле этого слова), широким распространением начального образования. В свою очередь, переход от индустриального общества к постиндустриальному характеризуется перемещением основной части рабочей силы из промышленного сектора в сферу услуг, развитием системы образования, распространением квалифицированного труда, перетоком значительной части населения из городов в пригороды, резким увеличением географической (преградой для нее перестают быть границы национальных государств) и социальной мобильности, быстрым научным и технологическим прогрессом, экспансией массмедиа, переносом акцентов в политической сфере с государственного уровня на локальный и глобальный, выравниванием ролей мужчин и женщин в семье и на рынке труда. Как следствие, усложняется и индивидуализируется восприятие политической сферы.

Кроме ослабления традиционных партийных идентификаций, появление постиндустриального ценностного измерения породило также и иные политические последствия. Так, появились новые политические акторы, прежде всего женские и экологические движения.

Исследователи отмечают также в качестве одного из "эффектов постматериализма" изменение "политического стиля". С голосования акцент смещается на более активные и проблемно-специфицированные формы участия, происходит бурный рост "движений одной проблемы".

В этом контексте следует отметить три момента. Во-первых, нет оснований считать, что разделение на "материалистов" и "постматериалистов" не вписывается в базовые предпосылки теории расколов (кроме уже отвергнутой нами "гипотезы замораживания"). Во-вторых, существует очевидная взаимосвязь "классических" и "новых" расколов, во всяком случае, в переходных обществах. Так, в России очаги постматериалистических ценностей существуют в инновационных центрах - крупнейших мегаполисах. Другими словами, ось "материализм-постматериализм" накладывается на классическое размежевание "город-село".

И наконец, в-третьих, как и в случае с традиционными политическими партиями, традиционные расколы были "потеснены" новыми ценностными размежеваниями, но отнюдь не исчезли. Как пишет Липсет, "старые проблемы и размежевания "индустриального общества" все еще остаются более важным источником политического деления и электорального выбора, поскольку "материалистически ориентированные" наемные рабочие и самозанятое население (включая крестьян) составляют гораздо большую группу, чем интеллигенция" [Липсет, 2006].

Эти слова подтверждаются данными эмпирических исследований. Так, результаты регрессионного анализа, проведенного П. Норрис на материалах 34 стран [Norris, 2004], свидетельствуют, что "классические" расколы в ряде стран по-прежнему оказывают серьезное влияние на политические предпочтения. Например, этнолингвистические размежевания играют очень серьезную политическую роль во фрагментированных по языковому принципу странах: Израиле, Тайване, Бельгии, Канаде, Румынии, Швейцарии. Существенный эффект на электоральное поведение оказывает религиозная принадлежность граждан, скажем, на Украине и в Испании, в Нидерландах и в Израиле. В Великобритании и Канаде оказывается важной принадлежность к социальному классу; в России и Белоруссии - уровень доходов. Добавлю также, что в России очень существенную роль играет раскол "город-село", который не был учтен Норрис. Интересно также, что эмпирический анализ не подтверждает гипотезы о снижении значения социальных расколов в постиндустриальных странах по сравнению с индустриальными.

Четвертое направление дискуссий относительно теории размежеваний касается вопроса, в какой мере политические партии "отражают" существующие расколы и в какой мере они могут их *преодолевать* и *создавать*! [Norris, 2004]. Еще Дж. Сартори задал один "простой" вопрос: почему некоторые объективно существующие расколы переводятся в поле политической конкуренции, а некоторые нет? [Гельман, 2000].

В настоящее время многие исследователи сходятся во мнении, что между социальными размежеваниями, политико-идеологическими расколами и партиями существуют более сложные отношения, нежели это представляется в классической теории расколов. Так, партии оказываются способными если не "создавать" социальный раскол в прямом смысле слова, то, во всяком случае, *артикулировать из всей совокупности имеющихся расколов* какие-то определенные, которые и получают "политическое представительство". При этом выбор артикулируемого раскола не является социально детерминированным, а становится актом рационального выбора партии в рамках стратегии политической борьбы.

Наконец, пятое направление дискуссий касается применимости подхода Липсета и Роккана к реалиям посткоммунистических стран. Исследователи отмечают специфические черты, отсутствовавшие в Европе и актуальные для "новых демократий": одновременный переход к демократии, рыночной экономике и новому государственному строительству в максимально сжатые сроки; восприимчивость и нестабильность посткоммунистического электората; харизматический и клиентельный характер политических партий; отсутствие эффективных организационных сетей; манипулятивный характер СМИ [Реммеле, 2004, с. 42].

Существенная новация в теории размежеваний, возникшая в процессе изучения транзитных обществ, связана с пересмотром роли политических элит в сторону ее значительного повышения. Сартори первым предположил, что политические элиты также формируют структуру расколов, они могут замалчивать или, напротив, актуализировать те или иные общественные противоречия в зависимости от получаемой выгоды, формируя таким образом повестку дня [Sartori, 1990]. Позднее сам Роккан показал, что на стадии формирования конкурентных партийных систем ключевая роль принадлежит политическим элитам - "альянсам политических предпринимателей" и избираемым ими стратегиям мобилизации масс [Rokkan, 1977]. Таким образом, по словам Е. Мелешкиной, элиты "способствуют или препятствуют институционализации размежеваний на уровне партийной системы" [Мелешкина, 2004, с. 16].

Характеристику полезных новаций в теории социальных размежеваний можно было бы продолжить. Однако представляется, что "жизнеспособность" теории расколов в современных условиях вполне просматривается. Вернемся к перечню ключевых положений данной концепции, изложенных в начале статьи, и произведем некоторые "усовершенствования". Они будут не столь значительными, как это могло бы показаться. Полностью отбросить придется лишь "гипотезу замерзания".

Социальное размежевание есть структурный конфликт между социальными группами; при этом один и тот же индивид не "привязан" к какой-то одной группе, а существует сразу в нескольких расколах. *Основой социального размежевания могут выступать как объективные социальные характеристики, так и ценностные ориентации.*

Ключевые социальные размежевания складывались исторически на протяжении десятков и сотен лет. *В современных, особенно переходных, обществах появляются новые размежевания, обладающие значительно большим динамизмом. При этом "классические" расколы в большинстве случаев не утрачивают своего значения.*

Социальные размежевания "транслируются" в политическую систему посредством партий, которые позиционируются "на полюсах" таких размежеваний; программы и электоральные стратегии партий в значительной мере заданы их ролью "артикуляторов" социальных размежеваний. *В то же время сами партии способны влиять на структуру расколов, артикулируя те или иные позиции в рамках своих стратегий как рациональных акторов. На размежевания влияют также элиты - как с помощью подконтрольных партий, так и иных инструментов (СМИ и др.).*

Социальные размежевания в России

С учетом данных оговорок, теория социальных размежеваний видится одним из оптимальных инструментов для объяснения структур электорального пространства. *Устойчивые различия между социальными группами выступают базовым фактором, влияющим на связи между объектами электорального выбора.* Эмпирическим инструментом проверки данного тезиса в статье стал регрессионный анализ, в котором в качестве независимых выступают переменные, отражающие социальные размежевания в российском обществе. В таблице 1 сгруппированы используемые мной позиции социально-экономической и демографической статистики, которая была проанализирована в разрезе регионов России. Достаточно большое число переменных было сгруппировано по содержательному признаку.

Отдельной характеристики заслуживают *зависимые* переменные. В этом качестве выступают не поддержка отдельных политических партий, а *структурные свойства электорального пространства*. Для их выявления был проведен факторный анализ результатов всех российских федеральных выборов с 1991 по 2004 г. (на основе электоральной статистики в разрезе регионов). Полученные факторные переменные представляют собой "концентрированное выражение" *связей* между объектами электорального выбора. Корреляции переменных, отражающих поддержку кандидатов и партий, с факторными переменными задают их положение в электоральном пространстве, понимаемом как совокупность устойчивых связей между объектами электорального выбора. Особое значение имеют объекты, занимающие "полярные" позиции на осях факторных переменных (будем называть их структурными оппозициями). Именно *структурные оппозиции позволяют содержательно интерпретировать идеологические расколы, выявляемые факторным анализом* [Ахременко, 2005; 2006].

Например, на парламентских выборах 1995 г. на линии первого фактора (горизонтальная ось, см. рис. 1) наблюдается структурная оппозиция между КПРФ, Аграрной партией России и блоком "Коммунисты-Трудовая Россия - за СССР", с одной стороны, и Яблоком, в меньшей степени Демократическим выбором России - с другой. Такую структурную оппозицию можно содержательно интерпретировать как идеологический раскол между левоконсервативными и праволиберальными силами.

Таблица 1 Социальные размежевания в российском обществе

Группа	Переменные
Демографические показатели	Доля русского населения среди всего населения субъекта Федерации Доля городского населения среди всего населения субъекта Федерации Уровень демографической нагрузки (численность лиц нетрудоспособных возрастов на 1000 человек трудоспособного возраста) Средняя прогнозируемая продолжительность жизни Уровень рождаемости (число родившихся на 1000 человек населения)
Уровень образования	Число лиц с высшим образованием на 1000 человек населения Число лиц, не имеющих начального образования, на 1000 человек населения (уровень неграмотности)
Состояние потребительского рынка	Объем бытовых услуг на душу населения Объем розничной торговли на душу населения
Показатели уровня и качества жизни	Объем средней начисленной заработной платы по отношению к прожиточному минимуму Число персональных компьютеров на 100 домохозяйств Число личных автомобилей на 1000 человек Уровень младенческой смертности (число детей, умерших в возрасте до одного года, на 1000 родившихся живыми)
Показатели социальной дифференциации	Индекс социальной дифференциации (индекс Джини) Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума
Показатели инновационного развития	Число компьютеров на 100 рабочих мест Объем услуг связи на душу населения

Таблица 2 Результаты регрессионного анализа первой факторной переменной (использовался пошаговый метод с исключением)

Показатели качества модели*

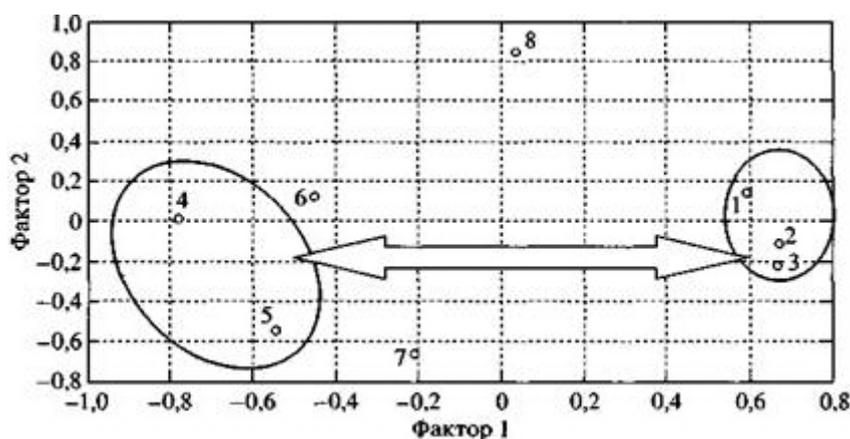
Выборы	R^2	F-отношение	$p\text{-level}$	Стандартная ошибка
1991	0,48	18,99	0,00000...	0,74
1993	0,7	49,6	0,00000...	0,56
1995	0,61	32,5	0,00000...	0,64
1996	0,58	38,32	0,0000...	0,65

Beta-коэффициенты**

Переменные	1991 г.	1993 г.	1995 г.	1996 г.
Доля городского населения	0,35525	0,577367	0,44586	0,272531
Демографическая нагрузка	-0,58	-0,63951	-0,757026	-1,19946
Уровень неграмотности	-0,323975			
Продолжительность жизни	0,573			
Компьютеры на 100 рабочих мест		0,318761	0,2888	

* R^2 характеризует объяснительную силу всей совокупности независимых переменных; значимость F-отношения - уровень "статистического доверия" к полученным результатам; стандартная ошибка оценки показывает, на сколько в среднем "ошибается" модель.

** Beta-коэффициенты показывают вклад каждой независимой переменной в совокупную объяснительную силу модели; все коэффициенты значимы на уровне $p < 0,001$, за исключением коэффициента для демографической нагрузки в 1991 г. ($p = 0,02$).

1 - Коммунисты-Трудовая Россия - за СССР!, 2 - КПРФ, 3 - Аграрная партия России, 4 - Яблоко, 5 - Демократический выбор России, 6 - Конгресс русских общин, 7 - Наш дом - Россия, 8 - ЛДПР.

Рис. 1. Структурная оппозиция на парламентских выборах 1995 г.

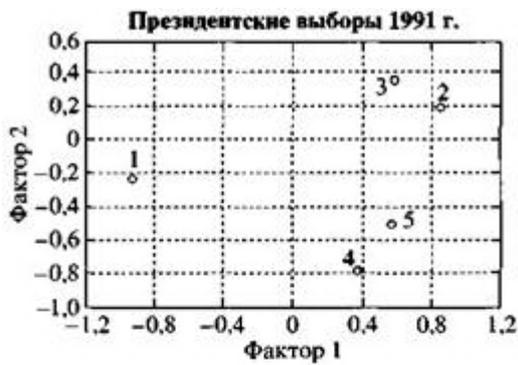
В данном анализе в качестве зависимых выступают факторные переменные, обладающие наибольшей объяснительной силой, - первые главные компоненты. Таким образом, с помощью регрессионного анализа можно определять влияние переменных, отражающих социальные размежевания, на переменные, отражающие идеологические размежевания.

С точки зрения структурных характеристик может быть выделено три периода в эволюции электорального пространства современной России. Первый охватывает "установочную" эпоху, начиная с президентских выборов 1991 г. и заканчивая президентскими выборами 1996 г. Он характеризуется, прежде всего, выраженным доминированием раскола между "державно-консервативными" левыми политическими силами и "либерально-реформистскими" правыми. Ниже приводятся диаграммы, отражающие расположение объектов электорального выбора в пространстве первых двух факторных переменных (см. рис. 2)².

На выборах 1991 г. по первой факторной (горизонтальной) оси наблюдается раскол Б. Ельцин (единственный кандидат демократических сил) - все остальные (все, кроме В. Жириновского, - члены КПСС). В 1993 г. структурную оппозицию образуют КПРФ и АПР (левый фланг) и РДДР, Выбор России и Яблоко (правый фланг). В 1995 г., как отмечалось выше, наблюдается противостояние левоконсервативного "кластера" в составе КТР - СССР, АПР и КПРФ Яблоку и, в несколько меньшей степени, Демократическому выбору России. В 1996 г. Г. Зюганов противопоставит всем "некоммунистическим" кандидатам.

Переменные "доля городского населения" и "уровень неграмотности" не требуют специальных комментариев. Географически более сложной является дифференциация регионов по продолжительности жизни. Фактически высокую продолжительность жизни определяют два совершенно разных фактора. Это качество жизни (в том числе уро-

² Чтобы не "перегружать" модели, определенные ограничения вводятся для числа участвующих в анализе политических партий, избирательных объединений и кандидатов. В общем случае рассматриваются только те из них, которые сумели получить три и более процентов голосов избирателей. Трехпроцентный критерий является в значительной мере традиционным для международных исследований в электоральной сфере.

1 – Б. Ельцин, 2 – Н. Рыжков, 3 – В. Жириновский, 4 – А. Макашов, 5 – против всех. Переменные "поддержка А. Тулеева" и "поддержка В. Бакатина" исключены из анализа в силу сильного несоответствия нормальному распределению.

1 – Аграрная партия России, 2 – Яблоко, 3 – Выбор России, 4 – КПРФ, 5 – ЛДПР, 6 – Партия российского единства и согласия, 7 – Женщины России.

1 – Наш дом – Россия, 2 – Яблоко, 3 – Демократический выбор России – объединенные демократы, 4 – КПРФ, 5 – Конгресс русских общин, 6 – ЛДПР, 7 – Коммунисты–Трудовая Россия – за СССР, 8 – Аграрная партия России, 9 – против всех.

1 – Б. Ельцин, 2 – В. Жириновский, 3 – Г. Зюганов, 4 – А. Лебедь, 5 – Г. Явлинский, 6 – против всех.

Рис. 2. Расположение объектов электорального выбора.

вень и доступность медицинских услуг, качество продуктов питания и т.д.), свойственное в основном экономически развитым территориям, и "культурно-климатические" условия (благоприятная экологическая ситуация, исторически сформированное тяготение к здоровому образу жизни и т.д.), свойственные северокавказским республикам. Именно последние являются наиболее "долгоживущими" среди всех российских регионов. Среди лидеров также Москва, Санкт-Петербург, Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский автономные округа (АО), Республика Татарстан. Полюс неблагоприятных в отношении продолжительности жизни регионов более однороден: он представлен в основном депрессивными и периферийными округами - Корякским, Коми-Пермяцким, Чукотским, Усть-Ордынским, Эвенкийским; Еврейской автономной областью, Республикой Тыва,

Читинской областью. Эти территории на тот момент составили "авангард недемократического выбора".

Демографическая нагрузка представляет собой численность лиц нетрудоспособных возрастов на 1000 человек трудоспособного возраста. В российских реалиях этот показатель в большей мере отражает удельный вес людей старшей возрастной группы. Наиболее высокий уровень демографической нагрузки отличает регионы Европейской России, прежде всего центральные. Это Тульская, Рязанская, Тверская, Тамбовская, Воронежская, Псковская, Курская, Ивановская, Новгородская, Брянская, Ярославская, Владимирская, Липецкая, Орловская и ряд других областей. На противоположном фланге Ямало-Ненецкий, Ханты-Мансийский, Чукотский, Таймырский АО. Такое распределение в существенной мере обусловлено направлением и характером миграционных потоков: люди старшего возраста, выйдя на пенсию, стремятся перебраться из суровых сибирских и дальневосточных регионов в Европейскую Россию. Поработав на предприятиях сырьевого сектора, они имеют возможность приобрести квартиру если не в Москве и Санкт-Петербурге, то в соседних областях. Существуют также специальные государственные программы (в частности, для Таймыра) по переселению пенсионеров в климатически более благоприятные регионы.

Число компьютеров на 100 рабочих мест - переменная, отражающая уровень инновационного развития территории. По этому показателю традиционно лидируют Москва и Санкт-Петербург, сибирские регионы, прежде всего сырьевые (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский АО, Тюменская, Томская, Новосибирская области), ряд северных и дальневосточных территорий (Якутия, Сахалинская, Мурманская области). Наихудшие показатели у республик Дагестан, Мордовия, Чувашия и Ингушетия, Коми-Пермяцкого и Усть-Ордынского АО, ряда регионов центральной России (Брянская, Владимирская, Липецкая, Белгородская, Тамбовская области).

В целом, на "реформистском" и "демократическом" полюсе по итогам регрессионного анализа оказываются более урбанизированные регионы с более высоким уровнем инновационного развития, населенные более молодыми по возрасту избирателями. Сочетание таких свойств обуславливает более высокую способность адаптации к переменам - один из важнейших факторов поддержки реформаторских процессов.

Следующий электоральный цикл, охватывающий парламентские выборы 1999 г. и президентские выборы 2000 г., можно считать переходным: от идеологического раскола "левые-правые" к расколу "власть-оппозиция" (см. рис. 3).

Так, в 1999 г. лево-правый раскол еще можно считать базовым: структурную оппозицию по оси первого фактора формируют КПРФ и Яблоко с СПС (вместе с позицией "против всех"). Борьба "партий власти" - Единства и Отечества - Вся Россия отражена лишь по линии второго фактора. Однако уже в 2000 г. ситуация меняется принципиально: ключевая оппозиция разделяет и.о. президента В. Путина и всех остальных кандидатов. В отличие от выборов 1991 и 1996 гг., картина явно не вписывается в традиционный формат "левые консерваторы - правые реформаторы". С 2000 г. *постепенно начинает доминировать раскол "действующая власть - альтернативы действующей власти", выходящий на ось первого фактора.* Указанная тенденция полностью закрепляется в электоральном цикле 2003 - 2004 гг.

В обеих кампаниях мы наблюдаем "партию власти" (в 2003 г.) и инкумбента (в 2004 г.) в качестве структурно доминирующей альтернативы. Доминирующим предиктором становится переменная "доля русского населения", которая ранее даже не входила в число регрессоров значительной объяснительной силы. Дело не только и не столько в собственно национальности; речь идет о дифференциации регионов скорее по социокультурному основанию, связанному с характером взаимодействия между элитами и массами и типом электоральной культуры. Главным становится разделение на так называемые национальные регионы (прежде всего, республики), где властные элиты обеспечивают повышенный уровень поддержки продвигаемой ими электоральной альтернативы, и остальные территории. Другими словами, административная мобилизация и конформистские настроения в национальных регионах становятся ключевой состав-

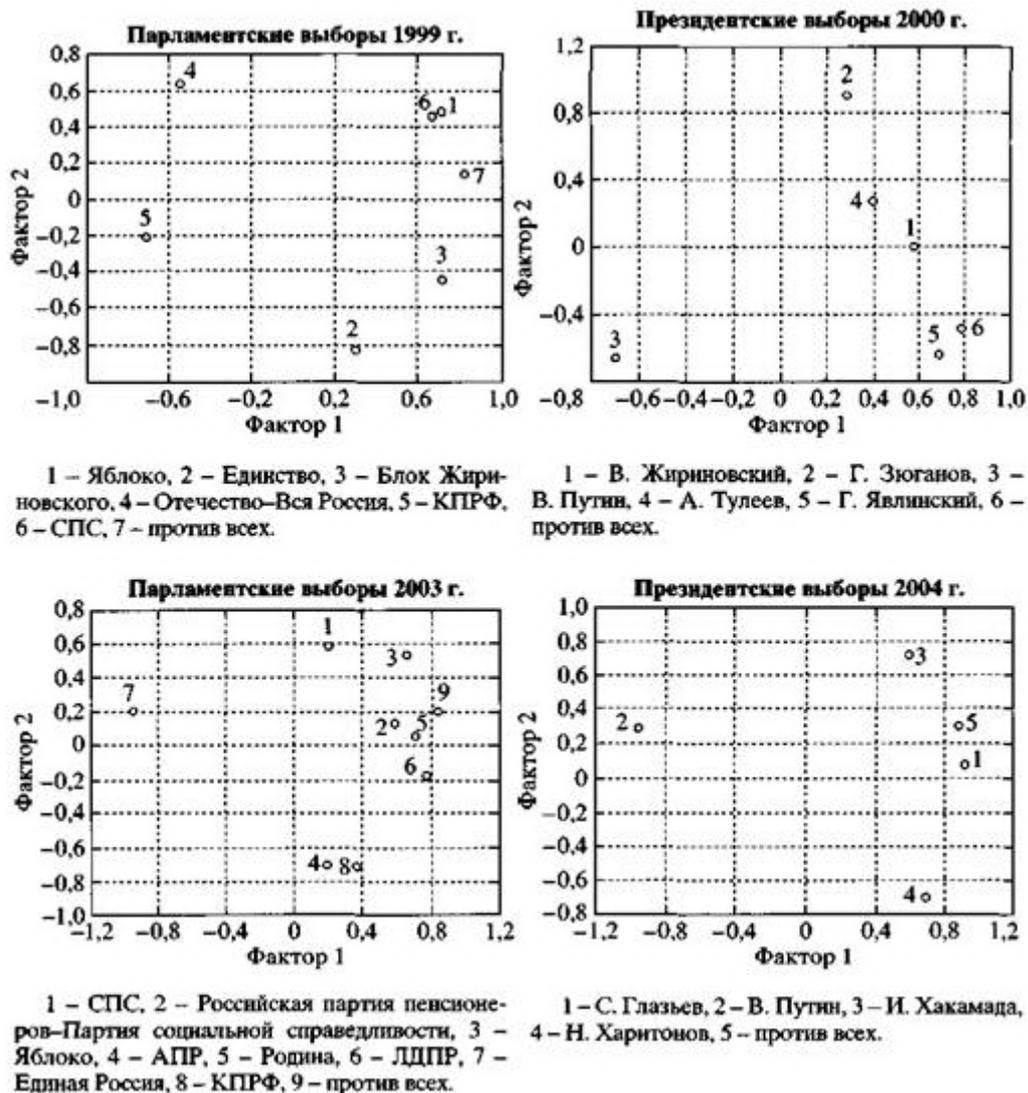

Рис. 3. Позиции партий и кандидатов в электоральном пространстве 1999 - 2000 и 2003 - 2004 гг.

ляющей, определяющей распределение электоральной поддержки по субъектам Федерации. Вот что пишет по этому поводу В. Звонковский: "Если сравнить электоральную карту РФ десятилетней давности с сегодняшней, то обнаружится разительная их несхожесть. Если в начале 1990-х годов находящиеся у власти политические движения и лидеры (включая Президента) опирались прежде всего на жителей крупных городов и экономически продвинутых регионов, то теперь основными центрами их поддержки выступают национальные республики и сельские, слабоурбанизированные области страны... По сути дела, то, что происходит сегодня на российском электоральном поле, можно определить как образование в границах РФ двух самостоятельных стран. Одна из них (порядка 15 - 20% жителей России) находится под устойчивым административным влиянием, которое обеспечивает мобилизацию электоральной поддержки в пользу кандидатов и партий, заручившихся поддержкой местных руководителей. Население другой

Таблица 3 Влияние переменных, отражающих социальные расколы

Показатели качества модели

Выборы	R^2	F-отношение	p -level	Стандартная ошибка
1999	0,75	49,58	0,0000...	0,51
2000	0,63	46,9	0,0000...	0,62
2003	0,68	88,5	0,0000...	0,54
2004	0,4	57,2	0,0000...	0,77

Beta-коэффициенты*

Переменные	1999 г.	2000 г.	2003 г.	2004 г.
Доля городского населения	0,308424		0,256473	
Демографическая нагрузка	-1,01955	-0,46714		
Доля русского населения	0,427903	0,686762	0,657434	0,634194
Объем бытовых услуг населению**		0,431878		

* Все коэффициенты значимы на уровне $p < 0,001$.

** Данная переменная была включена в анализ по двум соображениям. Во-первых, она характеризует состояние потребительского рынка, то есть того сегмента экономики, в котором самым непосредственным образом участвуют рядовые избиратели. Во-вторых, развитие потребительского рынка, фиксируемого официальной статистикой, отражает (пусть косвенно) выход обмена товарами и услугами из теневого сектора и, соответственно, ослабление неформальных связей и усиление индивидуальности и рациональности выбора. Развитость сектора бытовых услуг в данном случае отрицательно коррелирует с поддержкой В. Путина и положительно - с поддержкой Г. Явлинского.

сохраняет относительную самостоятельность в электоральном выборе" [Звоновский, 2004].

В рамках статьи невозможно развернуто охарактеризовать содержательные "сдвиги" в политическом процессе современной России и как следствие в динамике структур ее электорального пространства. В центре внимания находится другая задача - показать, что теория социальных размежеваний является адекватным инструментом для анализа электоральных процессов. Результаты регрессионного анализа показывают, что независимые переменные, отражающие различные социальные дифференциации, в состоянии объяснить значительную долю вариации структурных переменных, отражающих связи между объектами электорального выбора. Не менее важно, что изменение состава и силы предикторов вполне "стыкуется" с содержательной логикой эволюции электорального пространства современной России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анисимов А. А. Возможность моделирования партийной системы (на примере теории С. Роккана) // Власть и элиты современной России. СПб., 2003.
- Ахременко А. С. Политический анализ и прогнозирование. М., 2006.
- Ахременко А. С. Структурирование электорального пространства в российских регионах: факторный анализ парламентских выборов 1995 - 2003 // Полис. 2005. N 2.
- Гельман В. Я. Демократизация, структурный плюрализм и неустойчивый бицентризм: Волгоградская область // Полис. 2000. N 2.
- Звоновский В. Б. "Электоральный транзит": к двум странам в границах одной? // Полис. 2004. N 3.
- Кац Р., Мэйр П. Изменение моделей партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Политическая наука. 2006. N 1.

- Кулик А.* Парадокс "заката" политических партий на Западе и его проекция на российскую многопартийность // Политическая наука. 2006. N 1.
- Липсет С. М.* Неизбывность политических партий // Политическая наука. 2006. N 1.
- Липсет С., Роккан С.* Структуры размежеваний, партийные системы предпочтения избирателей. Предварительные замечания // Политическая наука. 2004. N 4.
- Мелешкина Е. Ю.* Концепция социально-политических размежеваний: проблема универсальности // Политическая наука. 2004. N 4.
- Реммеле А.* Структура размежеваний и партийные системы в восточной и центральной Европе // Политическая наука. 2004. N 4.
- Comparing Party System Change. London-New York, 1998.
- Lane J.E., Ersson S.* Politics and Society in Western Europe. London-Thousand Oaks-New Delhi, 1994.
- Lasarsfeld P., Berelson B., Gaudet H.* The People's Choice. How Voter Makes up His Mind in a Presidential Campaign. New York-London, 1969.
- Lipset S.M., Rokkan S.* Cleavage Structures, Party System, and Voter Alignments // The West European Party System. Oxford, 1990.
- Norris P.* Electoral Engineering. Voting Rules and Political Behavior. Cambridge, 2004.
- Przeworski A., Sprague J.* A History of Western European Socialism. Paper Presented to the Annual Meeting of the American Political Science Association. Washington, 1977.
- Rokkan S.* Toward a Generalized Concept of Verzuilling: A Preliminary Note // Political Studies. 1977. Vol. 25. N 4.
- Sartori G.* Sociology of Parties: A Critical Review // The West European Party System. Oxford, 1990.